

Денис ДУК,
доктор исторических наук

ЗАУРЯДНЫЙ ГОРОДОК, ЗАТАИВШИЙСЯ В РЕЧНЫХ ИЗЛУЧИНАХ?

Новая концепция места и роли Полоцка в ранней древнерусской истории

Раскопки на полоцком городище. 2007 г.

Недавние масштабные празднования 1150-летия первых летописных упоминаний о древнерусской государственности на Руси заострили внимание историков на ряде ключевых проблем раннесредневековой истории славян.

В частности, речь идёт о трактовке роли и места Полоцка в политической системе Древней Руси. Яркий пример нового толкования находим и на страницах новейшего фундаментального научного издания «Русь в IX–X веках: археологическая панорама»¹ под редакцией директора Института археологии РАН, академика Николая Андреевича Макарова. Коллективный труд посвящён первым векам древнерусской истории и является археолого-историческим исследованием, выполненным на высоком научном уровне. Отрадно констатировать, что издание подготовлено качественно и красочно оформлено.

Высоко оценивая труд наших российских коллег и друзей, подробнее остановимся на разделе «Полоцкая земля», который написан хорошо известным в Беларуси исследователем из Санкт-Петербурга Иваном Игоревичем Еремеевым, сотрудником Института истории материальной культуры РАН. Проблема изучения археологических древностей неоднократно представлялась им в совместных публикациях с мэтром белорусской археологии Георгием Васильевичем Штыховым².

Кратко изложим концепцию автора. Еремеев констатирует своеобразную культурную обособленность Полоцкой земли и «идеологическое своеобразие» её жителей. Эта культурная обособленность происходит, по мнению исследователя, вследствие замкнутости Западнодвинского региона на пространстве от Витебска до Браслава в эпоху расселения племён смоленско-полоцких длинных курганов (летописных кривичей). Именно эта обособленность населения Полотчины от этнокультурных процессов Днепро-Волховского водного пути в IX–X веках, как считает Еремеев, послужила почвой известного политического противостояния полоцкой династии потомкам Ярослава Мудрого.

Автор полагает, что Полотчина участвовала в разветвлённой серебряной торговле пути «из варяг в греки» не в качестве транзитного региона, а как тупиковая периферия «восточного пути». Скандинавы эпизодически появлялись в Нижнем Подвинье в IX веке, но опорных пунктов, подобных Ладоге и Рюрикову городищу, «находници» тут не возводили.

Еремеев считает, что ранний Полоцк архаичен по своей пространственной организации и не укладывается в представления о крупном городском — или протогородском — центре. Полоцкое городище IX–X столетий словно бы «затаилось» в речных излучинах вдали от магистрального пути по Двине, что для древнерусских городов эпохи первых Рюриковичей не характерно (в IX–X веках города чаще всего ставятся открыто на господствующих позициях, с широким доступом к большой воде — Рюриково городище, Псков, Витебск, Гнёздово). По мнению автора, в первые века своей истории полоцкое городище было невелико по размерам и у его обитателей не было физических

и военных возможностей для освоения территории Верхнего замка. Городской характер укреплений городища датируется не ранее середины X века. До этого городище являлось не более чем рядовым городком банцеровской культуры. Отсутствие следов пребывания скандинавов — яркая черта самобытной культуры Полоцка.

Вывод о роли и месте Полоцка в организации пространственной структуры начальной Руси лучше всего иллюстрирует следующая цитата: «Оснований рассматривать Полоцк в IX — начале X века наряду с такими раннегородскими центрами, как Ладога, Рюриково городище, Псков, Гнёздово или Киев, у нас пока нет. Похоже, даже соседний Витебск в это время был более богат и значим... Полоцк можно представить как один из славянских городков, разбросанных от Припяти до Поволховья. Городок этот окружали неукреплённые посёлки (сейчас их известно два)... В культурном слое отсутствуют яркие комплексы первой половины X века»³. В числе «рядовых» городков IX столетия, «разбросанных от Припяти до Поволховья», исследователь выделяет городище Георгий и Холопий городок в Поволховье, Рокот и Новосёлки на Смоленщине и ряд других.

Археологические материалы Еремеев сопоставляет с письменными источниками. Поскольку в Полоцке в IX — первой половине X века не представлена материальная культура скандинавов⁴, то и летописные сведения 862 и 907 года, по мнению нашего неутомимого исследователя, можно поставить под сомнение⁵. Сказание о сватовстве Владимира Святого при таком подходе является первым достоверным летописным упоминанием, относящимся к новгородской летописной традиции. Вокняжение Рогволода в Полоцке датируется 950-ми годами, а мотивация известного похода на Полоцк, датируемого летописцем 980 годом, объясняется желанием Владимира Святославича завладеть «серебром полоцких кладов и золотом княжеских теремов»⁶.

Значительная часть текста раздела «Полоцкая земля» посвящена анализу вещевых кладов и кладов куфических дирхемов, найденных вблизи Полоцка. Из вещевых кладов особо выделяется клад золотых изделий третьей четверти X века⁷ из Нижнего замка, который «сразу ставит Полоцк в один ряд с крупнейшими городами Северной Европы, такими, например, как Дорестада»⁸. В этот период, согласно Еремееву, начались первые торговые связи Полоцка с Византийской империей (нумизматический материал и указанный клад).

Общий авторский вывод выглядит следующим образом. В IX — середине X века Полоцкая земля накопила достаточно мощный демографический и экономический — в первую очередь земледельческий — потенциал. Полоцкие земли оказались вдали от магистрального геополитического стержня Руси (Киев — Новгород (Рюриково городище) — Ладога — Гнёздово), по этой причине скандинавское влияние в Полоцке оказалось минимальным. Отсутствие даннических отношений у полочан с латгалами (основным населением низовьев Двины) не содействовало активизации торговли по Западнодвинскому пути. Полоцкая земля в IX–X веках развивалась как

явление самобытной славянской культуры, не испытавшей влияния хазар и «варяжской дани»⁹.

Заметим, что указанная трактовка роли и места Полоцка в процессе организации пространства и власти на Руси в историографии является совершенно новаторской. Еремеев полагает, что изначально процесс становления государственности на белорусских землях проходил совершенно по иному сценарию, нежели в Днепровско-Волховском регионе. Во-первых, роль варягов на территории Полоцкого Подвинья была не столь значительна, как в Ладоге, Новгороде (Рюриковом городище)¹⁰ или Киеве, во-вторых, земли полоцких кривичей не входили в зону «унизительной варяжской дани», в-третьих, Полоцк представляет модель развития восточнославянского города на славянской (кривичской) генетической основе.

Автор полагает, что с середины X столетия заурядное славянское поселение на месте Полоцка начинает перерастать в развитый городской центр. Поскольку ситуация не типичная (на Руси нет примеров аналогичного генезиса «заурядных» раннегородских структур IX–X веков в крупных социально-экономических центрах) механизм «перерождения» Полоцка исследователю не совсем ясен.

Попытаемся разобраться. Как нам кажется, изначально неправомерен сам тезис о «заурядности» Полоцка IX — середины X столетия. Дело в том, что из городов, перечисленных летописцем под 862 годом, культурный слой IX века так и не был обнаружен в Белоозере, Ростове и собственно в Новгороде (вне пределов Рюрикова городища)¹¹. Становление этих городов к X столетию, минуя стадию «торгово-ремесленного поселения», вполне очевидно. Торгово-ремесленную функцию протогородов, таких как Ладога, Рюриково городище, Еремеев рассматривает как определяющую. Инициаторами торговых отношений в трансевропейском контексте и строителями мощных крепостей в Ладоге и на Рюриковом городище были скандинавы. При этом славянское население имело опосредованное отношение к международной торговле и военному (фортификационному) делу.

В Полоцке IX — середины X века практически не выявлены археологические следы варяжского присутствия. Полоцкое городище и селища вокруг него имели общую площадь около 8 гектаров (сравним: Холопий городок IX века и Белоозеро X века были соответственно менее 1 и 1,4 га, оба городища располагались на невысоких пригорках возле рек, при этом «эталонные» для петербургского исследователя Ладога и Рюриково городище по площади не превышали 8 га)¹². Поэтому называть «рядовым» явно нерядовое раннегородское поселение по таким критериям, как значительная территория застройки, развитая топографическая структура (высота полоцкого городища составляет не менее 13,5 м, площадь — около 2 га, у подножия городища была расположена развитая система неукрепленных поселений), не приходится. Остаётся последний критерий — собственно археологические артефакты в раннегородском культурном слое.

Характеристика материалов из раскопок 2008 года на селище Нижнего замка (окольный город), по мнению Еремеева, указывает как будто на «нерядовой характер находок». Но поскольку «нерядовых» находок немного в количественном выражении (односторонний костяной гребень в сочетании с ладейной заклёпкой), то и вывод об их случайности как будто бы закономерен. Но ведь и площадь раскопа, из которого происходят данные артефакты, была всего лишь

40 квадратных метров. Экстраполяция количества находок при плотности их залегания в нижнем стратиграфическом слое на площадь окольного города порядка 6 гектаров позволяет говорить о тысячах потенциальных «нерядовых» артефактов. Это означает, что интенсивность и география торговых контактов раннего Полоцка может быть представлена совершенно в ином свете. И североευропейские (скандинавские) древности, пусть и далеко не на уровне их количества на Рюриковом городище и в Старой Ладоге¹³, но всё же будут представлены в Полоцке¹⁴. Поэтому отрицать присутствие вассала Рюрика в Полоцке в 862 году, как и самого Рюрика в Ладоге и на Городище близ Новгорода, на сегодняшний день преждевременно. Трудно согласиться и с тем, что летописное упоминание Полоцка в 862 и 907 годах всего лишь дань традиции или поздняя вставка в источники. Напомним также об упоминании похода на Полоцк Аскольда и Дира под 865 годом в Никоновской летописи, которое не упомянуто в тексте Еремеева. Археологически доказанный факт существования Полоцка в IX веке здесь является определяющим, равно как и ключевой тезис в понимании становления Полоцка на местной генетической основе. Эти обстоятельства определяют своеобразие Полоцка в этнокультурных процессах Восточной Европы. С последним утверждением согласен и автор очерка, говоря о Полоцке как о явлении «самобытной восточнославянской культуры».

Как нам кажется, преемственность «славянского городка» при устье Полоты и города времён Брячислава Изяславича (1003–1044) и Всеслава Брячиславича (1044–1101) очевидна. Источниковая база, на которой строится исследование Еремеева, ограничена количеством артефактов, полученных во время археологических исследований Полоцка. Масштабные раскопки на полоцком городище и селищах не проводились вследствие современной плотной городской застройки. Общего количества открытых здесь вещевых комплексов IX–X веков явно недостаточно для однозначных выводов, автору удалось проследить лишь общую, хотя и достаточно очевидную, тенденцию. «Отсутствие ярких археологических комплексов IX — начала X века» является основной проблемой в построении модели развития Полоцка на раннем этапе. Анализ имеющихся артефактов из раннегородских культурных отложений Полоцка проведён автором на высоком научном уровне, но ключевой вопрос о причине малого количества этих артефактов объясняется единственно отсутствием развитых торговых отношений.

В интерпретации этапов сооружения валов полоцкого городища также не хватает источниковой основы. Траншея, выкопанная Штыховым в 1962 году, явно не даёт возможности получения окончательных выводов об этапах строительства укреплений городища. Расширить масштабы исследования на данном памятнике археологии сегодня крайне сложно, учитывая уже упомянутую плотную жилую застройку городища. Вот и получается, что раскопки на ключевом памятнике археологии древнего Полоцка не позволяют с точностью детализировать этапы строительства вала. Но даже при всём этом Еремеев констатирует вероятную высоту вала полоцкого городища в 1,5 метра¹⁵.

Какого-либо увеличения площади Полоцка к середине X века, как это обосновано в заключении ко всему изданию¹⁶, в действительности не было. Суммарная площадь городища вместе с селищами на протяжении IX — конца X века составляла 8 гектаров, динамика

Вид на полоцкое городище с Красного моста.

увеличения территории Полоцка наблюдается не ранее конца X столетия, когда площадь Полоцка возрастает в десятки раз и в XI веке составляет уже порядка 180 гектаров¹⁷.

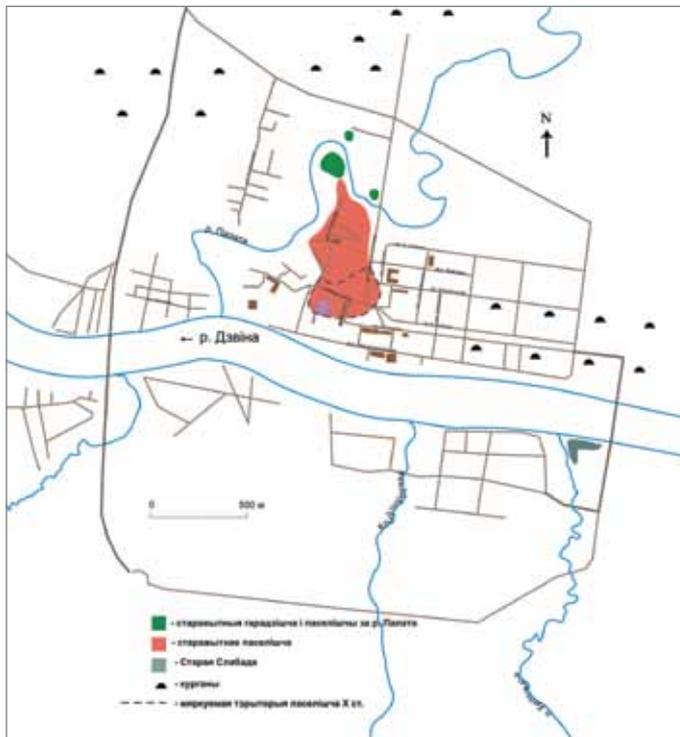
Так был ли Полоцк третьим, наряду с Киевом и Новгородом, центром становления государственности на Руси? Читателям «Родины» в этом плане многое ясно из прошлогоднего специального проекта, посвящённого 1150-летию российской государственности (2012. № 9). Не так давно авторитетными российскими, украинскими и белорусскими историками изучался феномен «Софийного пространства» на страницах новаторского по содержанию номера журнала «Три Софии: Киев, Новгород, Полоцк» (2007. № 5). Но сама постановка вопроса, буквально следуя тексту издания «Русь в IX–X веках: археологическая панорама», оказывается неправомерной, поскольку топографическая структура Киева второй половины IX века, по мнению автора соответствующего раздела А. В. Комара, в то время напоминала собой «гнездо поселений в миниатюре», а характер находок являлся «рядовым» до конца IX века. «Признаки средневекового города» Киев начал обретать на рубеже IX–X веков¹⁸.

На наш взгляд, пришло время констатации факта, что формы и пути становления государственности на Руси были различны. Скандинавский фактор, этот своего рода медиатор торговых отношений и военного дела, основной критерий «огосударствления» территорий Севера Руси, в становлении государственности Полоцкой земли не был определяющим. Полоцк в этой связи представляет совершенно нетипичную модель развития государственности на территории восточнославянского мира. Призвание варягов весьма опосредованно коснулось территории Полоцкой земли. Полоцкая государственность зародилась на местной генетической основе как явление самобытной восточнославянской культуры. Присутствие в Полоцке «мужа» князя Рюрика не затронуло и не предопределило эволюцию местных родовых структур в государственном управлении складывающейся земли-волости. Границы этой земли-волости начали формироваться в IX–X веках, что наглядно иллюстрируют данные последних археологических исследований¹⁹.

Государственность не формируется в одночасье. Поселение с «архаичной топографической структурой»²⁰ при устье Полоты ко второй четверти XI века становится крупнейшим социально-экономическим и культурным центром земли-волости в Восточной Европе. В Полоцке динамично развиваются международная торговля и ремесло, геополитические амбиции полоцких князей основаны на богатом экономическом потенциале, полоцкие князья вступают в эру даннических отношений с латгалами и прочими племенами в низовьях Двины на правах сюзеренов.

Археология всегда считалась наиболее «чистой» от идеологических штампов наукой по объективным причинам: археолог имеет дело с «вещественной уликой» прошлого, артефактом, являющимся историческим источником. Совокупность источников даёт основание для воссоздания определённого исторического процесса, отсутствие материальных свидетельств может отрицать таковой.

Материальные свидетельства существования славянского Полоцка в конце VIII века являются археологически обоснованными.

Исторические части Полоцка IX–X веков: городище, селища, курганные некрополи.

Археологические доказательства существования Полоцка как славянского (кривичского) поселения ранее летописной даты — 862 год — почти на столетие сегодня уже признаны в историографии, а не так давно имело место обратное²¹. Присутствие вассала Рюрика в 862 году, поход Аскольда и Дира на Полоцк в 865 году, равно как и участие полоцких дружин в походе Олега на Царьград в 907 году, не противоречат имеющимся археологическим источникам. Формирование территории земли-волости не могло проходить вне контекста генезиса государственности на Руси. Как тут не упомянуть о пришествии Рогволода в Полоцк «из-за моря» — явлению, во многом созвучном призыванию Рюрика с варяжскими кланами в Ладогу и в Новгород. Однако призвание Рогволода было совершено не от имени коалиции разнородных племён, восставших «род на род», а по воле протобояр кривичей-полочан.

В этой связи нам представляется, что модели генезиса государственности Киевского Поднепровья и Новгородского Поволховья — также явления по сути своей разные²²; спорить же о том, кто был первым, абсолютно бесперспективно. Восточные славяне, какой бы сложный путь в построении своей государственности они ни прошли, в эпоху колонизации Верхнего Поднепровья, Поволховья и Подвижья всё же являлись наиболее близкими по ментальности, основам материальной и духовной культуры, чем разнородные племена и народности, их окружающие.

г. Полоцк

Примечания

1. Русь в IX–X веках: археологическая панорама/Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда. 2012.
2. Еремеев И., Бубенько Т., Штыхов Г. Лепная керамика средневекового Витебска//Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. II (Вып. 2). Минск. 2007. С. 5–24; Еремеев И., Штыхов Г. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой//Там же. С. 110–134.
3. Русь в IX–X веках... С. 287–288.
4. С этим тезисом нельзя не согласиться, поскольку практически полное отсутствие скандинавских вещей в материальной культуре населения IX — середины X в. является характерной чертой археологических комплексов Полоцка данного периода. См.: Дук Д. В. Полоцк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк. 2010. С. 35, 132.
5. Русь в IX–X веках... С. 287–290.
6. Там же. С. 290.

7. Датировка обоснована И. И. Еремеевым.
8. Русь в IX–X веках... С. 294.
9. Там же. С. 297.
10. Данный тезис абсолютно созвучен ранее высказанному нами наблюдению.
11. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М. 2004. С. 107.
12. Там же. С. 121; Русь в IX–X веках... С. 100, 455.
13. Нельзя не согласиться, что в своей основе это были разные типы поселений.
14. Меч X в. из дружинного курганного некрополя Полоцка яркое тому подтверждение.
15. Речь идёт о вале последней четверти I тыс., насыпанного после начального вала «банцеровского» периода.
16. Русь в IX–X веках... С. 458.
17. Дук Д. Указ. соч. С. 64–65.
18. Русь в IX–X веках... С. 315, 365.

19. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слов, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке. Минск. 2012. С. 66–80.
20. Определение И. И. Еремеева.
21. Белецкий С.В. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии//Советская археология. 1979. № 1. С. 304–306; Плавинский М. Полоцк да Рагвалада (пытанні тапаграфіі і храналогіі культурнага слоя)//Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. II (Вып. 2). С. 28–29.
22. Не об этом ли говорили российские и украинские историки на страницах недавнего тематического номера?//Родина. 2012. № 9.